

ДЕТИ-ЭМИГРАНТЫ

Живые голоса первой
русской волны
эмиграции
1918-1924

Россия на переломе. Книги о поворотных моментах истории

Сборник

**Дети-эмигранты. Живые
голоса первой русской
волны эмиграции 1918-1924**

«ЭКСМО»

1925

Сборник

Дети-эмигранты. Живые голоса первой русской волны эмиграции 1918-1924 / Сборник — «Эксмо», 1925 — (Россия на переломе. Книги о поворотных моментах истории)

ISBN 978-5-04-193858-1

Около 100 лет назад революция и последующая гражданская война стали страшным испытанием для миллионов россиян. Из-за войн, голода, террора, бандитизма более 2 млн человек покинули Россию и оказались эмигрантами. Десятки тысяч детей — вместе с близкими или как сироты — также были выброшены из страны. Эта книга, впервые изданная в 1925 году в Праге, является потрясающим свидетельством трагической истории революционной России. В ней содержатся цитаты, отобранные из более двух тысяч сочинений юных эмигрантов на тему «Что я помню о России». Подростки рассказывают о смерти близких от ран, болезней и голода, о тяготах бегства в чужие страны, об одиночестве, страхах и полном непонимании того, ради чего их лишили радости жизни. Живые голоса соотечественников позволяют не только увидеть историю страны через судьбы обычных людей, но и задуматься о цене политических и социальных кризисов. «Язык детских сочинений правдив до дрожи, такое ощущение, что у детей как будто содрана кожа, они сильнее и острее других ощущают на себе тяжесть истории. Это единственный исторический документ такого масштаба». Catherine Klein-Gousseff, французский историк В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-04-193858-1

© Сборник, 1925

© Эксмо, 1925

Содержание

Предисловие [1]	7
Н. А. Цуриков	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дети-эмигранты
Живые голоса первой русской
волны эмиграции, 1918—1924

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие ¹

Исключительная ценность и значительность того материала, который был собран в русской гимназии в Моравской Тшебове и издан Педагогическим бюро² под названием «Воспоминания 500 русских детей»³, побудили Педагогическое бюро к попытке собрать аналогичный материал по возможности во всех русских школах за рубежом. Говорить о громадном значении этой задачи не приходится: те, кто знаком с изданными нами «Воспоминаниями», хорошо знают, какие богатейшие данные содержат в себе эти детские сочинения – для педагога и для психолога, для историка и для социолога. Я не знаю, что может сравниться с этими детскими сочинениями – в их простодушных описаниях событий последнего времени; не знаю, где отразились эти события глубже и ярче, чем в кратких, порой неумелых, но всегда правдивых и непосредственных записях детей? Погружаясь в эти записи, мы прикасаемся к самой жизни, как бы схваченной в ряде снимков, мы глядим во всю ее жуткую глубину... Собрать этот материал в возможно большом объеме и сохранить его для будущего – такова была задача, которую себе поставило Педагогическое бюро.

Для нас было совершенно ясно, что единственно допустимой для этого формой является та, которая была принята в Тшебовской гимназии⁴, где детям было предложено написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.». Конечно, эта форма имеет большие дефекты, ибо она ставит перед детьми очень широкую и неопределенную задачу, в силу чего обработка материала крайне затруднительна. Метод анкеты, с однообразными вопросами и допускающими вследствие этого сравнение ответов, был бы удобнее, но он лишил бы детей свободы и непринужденности, столь необходимых в этом случае. Метод анкеты дал бы в наше распоряжение ряд детских высказываний по одним и тем же вопросам, но он не дал бы нам возможности заглянуть в детскую душу так, как это возможно для нас в свободных изложениях детей. Сохранить всю непосредственность детских переживаний, дать им полный простор в выявлении того, что особенно близко каждому из детей, – важнее, чем добиться большей доступности материала для обобщающего исследования. Но кроме этого методологического мотива, другие, более глубокие и педагогически более ответственные соображения побудили нас остаться при форме, избранной в Моравской Тшебове: раны, нанесенные детской душе всеми событиями последних лет, так глубоки, так свежи, что прямое прикосновение к ним совершенно недопустимо. Даже и свободная запись воспоминаний иногда вызывала у детей мучительное чувство, как это видно из сочинений; впрочем, должно сказать, что в подавляющем большинстве случаев эта запись не только не растревляла свежих ран, но даже способствовала вдумчивому анализу пережитого. Во всяком случае, свободная запись воспоминаний наименее тяжела для детей – наименее опасна для их психического здоровья.

Предложение Педагогического бюро встретило сочувственный отклик почти во всех русских школах, и мы в настоящее время располагаем немного более чем 2400 детских сочинений. Даже беглое знакомство с этим материалом убеждает в том, что он требует разностороннего изучения и содержит в себе богатейшие данные по целому ряду вопросов нашего времени. Не

¹ Публикуется по изданию Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. – Прага, 1925. – *Прим. ред.*

² Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей было учреждено в апреле 1923 г. в Праге. Бюро отслеживало тенденции в развитии мировой системы образования, осуществляло культурно-просветительскую деятельность, налаживало международные связи с русскими школами за рубежом, способствовало сохранению русских традиций, языка и истории. – *Прим. ред.*

³ См. Бюллетень Педагогического бюро № 4, а также отдельное издание этого очерка.

⁴ Официальное название – Русская реформированная реальная гимназия в Моравской Тшебове. Учебное заведение, созданное русскими эмигрантами годом ранее, переехало в Чехословакию в 1921 г. из Константинополя. – *Прим. ред.*

имея возможности организовать это всестороннее изучение материала, Педагогическое бюро признало, однако, совершенно необходимым выпустить теперь же небольшую книгу, посвященную нашим детям, положив в основу книги материал детских сочинений. Нам хотелось прежде всего дать общий очерк материала, зафиксировать некоторые характерные и яркие черты его; к этому очерку естественно было присоединить несколько статей, посвященных разработке отдельных сторон материала. Для правильной ориентировки в вопросах, возникающих при этом, мы считали необходимым ввести в книгу очерк, не связанный прямым образом с детскими сочинениями, но имеющий чрезвычайное значение для оценки положения детей в эмиграции, – именно сводку статистических данных, касающихся детей эмиграции.

Выпуская в свет эту книгу, мы очень хорошо сознаем всю недостаточность ее в отношении к материалу, которым мы располагаем, но мы надеемся, что и то, что содержит в себе книга, ставит с полной ясностью общественно-педагогические вопросы, на разрешение которых должно обратить все наши силы. Неотложность и исключительная важность этих вопросов побуждает нас предложить вниманию русского общества настоящую книгу, не откладывая ее на дальнейшее. Время не ждет, жизнь идет безостановочно вперед, и мы должны поспевать за ней. *Ut desint vires, tamen esta – necessaria voluntas!*⁵ Мы не спрашиваем себя, найдутся ли силы у всех нас для решения задач, которые ставит нам время, – но мы хотим способствовать ясной и вдумчивой постановке этих вопросов. Пусть слабы наши силы, но мы должны найти в себе волю к тому, чтобы сознать, чего требуется от нас жизнью.

Председатель Педагогического бюро проф.

В. В. Зеньковский

⁵ Пусть не хватает сил, была бы воля (*лат.*). Здесь перефразирован афоризм *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas* – «Пусть не хватает сил, но желание все же похвально» (Овидий, «Послания с Понта», III, 4, 79). – *Прим. ред.*

Н. А. Цуриков

Дети эмиграции. Обзор 2400 сочинений учащихся

«Мы иногда собираемся человек 20, начинаем говорить о России, с кем были какие случаи. Много рассказывают, как их родителей мучили, и так жалко станет, что чуть не плачешь!..»

«Сколько приходилось переносить... нам, детям, а о мамочке и говорить нечего, она была страдальцей за всех».

«Мы, дети, уже тогда стали взрослыми».

«Любовь и вера – это все наше богатство, если и это потеряем, то жизнь станет бесцельной...»

Из «воспоминаний» русских детей-эмигрантов

Настоящая работа явилась результатом ознакомления с 2403 сочинениями учащихся в русских эмигрантских учебных заведениях, – сочинений, написанных на одну общую тему: «Мои воспоминания». Не говоря уже о содержании, и самый заголовок в различных учебных заведениях в своем продолжении варьировался: «Мои воспоминания о последних годах пребывания в России», «Мои воспоминания начиная с 1917 г. по день прибытия в N» и т. д. Задачей настоящего очерка является наивозможно полное, а вместе с тем неизбежно сжатое и краткое изложение результатов обследования детских работ.

Дальнейшее изложение распадается по своему содержанию на три части: 1) значение обследованного материала, цифровые данные, почерпнутые из воспоминаний, общий обзор материала с суммарными характеристиками: авторов, формы сочинений и их содержания; 2) попытка установить типические подходы детей ко всему пережитому, поскольку они выразились в сочинениях, с приведением соответственных цитат из сочинений.

История появления этих воспоминаний такова.

12 декабря 1923 г. в самой большой русской эмигрантской средней школе – в русской гимназии в Моравской Тшебове в Чехословакии – по инициативе бывшего директора этой гимназии А. П. Петрова совершенно неожиданно и для учащихся, и для педагогического персонала были отменены два смежных урока и учащимся было предложено: не стесняясь формой, размером и т. д. и без получения ими каких-либо указаний, написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г. по день поступления в гимназию». Получившийся материал был обследован преподавателем этой гимназии В. М. Левицким, и изложение обследования напечатано в «Бюллетене Педагогического бюро», а также издано отдельной брошюрой ⁶.

Еще до напечатания работы г-на Левицкого, при первом ознакомлении с ней, для Педагогического бюро стало ясно, какой огромной ценности материал получился в результате изложения детьми своих воспоминаний, и Бюро обратилось к ряду учреждений ведающих и лиц, возглавляющих различные русские эмигрантские школы, находящиеся в различных государствах Западной Европы, с просьбой произвести, с соблюдением тех же условий, что и в гимназии в Моравской Тшебове, тождественные работы и по исполнению доставить их в Бюро.

Почти все без исключения адресаты Бюро исполнили его просьбу, и в результате этого к 1 марта 1925 г. в Бюро скопилось 2403 сочинения, около 6500 страниц исписанного учащимися текста. В промежутке времени между напечатанием очерка г-на Левицкого и производством настоящей работы преподавателем русской реальной гимназии в Праге г-ном С. И. Карцевским был самостоятельно обследован материал детских сочинений этой гимназии, и результат обследования напечатан в журнале «Русская Школа за рубежом», а также был издан

⁶ «Воспоминания 500 русских детей». С предисловием проф. В. В. Зеньковского. – Прага, 1924.

Педагогическим бюро отдельной брошюрой ⁷. Исключительный и общий интерес, вызванный к обеим вышеуказанным работам в специальной и общей русской, а частью и иностранной печати, побудил Бюро, несмотря на двукратное напечатание материала двух школ, произвести обследование всех имеющихся детских работ, и результат их изучения вновь напечатать, включая и сочинения детей, уже ранее рассматривавшиеся ⁸.

Нечего и говорить, что не только в краткой статье, но, может быть, и в большой книге нет возможности познакомить со всей той полнотой, которой заслуживают эти 2403 сочинения, познакомить с содержанием этих – исписанных то уже сложившимся твердым почерком на больших листах, то детской прописью в синих тетрадочках – живых и трепетных страниц.

Значение обследованного в настоящем очерке материала не только велико, но и разнообразно. Прежде всего это материал огромной ценности для суждения о строе детской души в наши дни (чему посвящена особая статья). Затем – это исторические документы, и притом несравнимого значения.

Авторы воспоминаний, в возрасте от 8 до 24 лет, конечно, помнят все, что с ними произошло с 1917 г., неодинаково. Все они – дети, юноши и девушки – не являлись ответственными участниками тех исторических событий, которые определили судьбы России: не стояли у власти, не управляли и не руководили. Но для будущего историка их воспоминания не менее важны, чем воспоминания лиц с историческими именами. И, кроме того, произведения таких людей, как авторы сочинений, да еще такого возраста, обладают одним достоинством: глубокой непреднамеренной и непосредственной жизненной подлинностью. Это отражается и в правдивости детского языка, и в свежести и яркости их образов, и в значительности их мыслей. Уже в одном этом отношении можно считать, что инициатива лиц, задумавших произвести такую работу, вполне оправдана.

Но кроме такого значения, они имеют и другой интерес, и другое значение для всех тех, кто посвятил себя делу сбережения и сохранения самого дорогого нашего национального имущества, нашей молодежи вообще, и в частности находящейся в изгнании, молодежи, уцелевшей от войны, революции, голода, эпидемий, разврата, бездомного скитальчества и бесконечных, невыразимых и неопишуемых горя и страданий. Русские педагоги и вообще все те, кто в той или иной форме посвятил себя школе, не могут не интересоваться всеми попытками установить духовный облик, подлинное лицо наших учащихся, наших детей и юношей. Конечно, непосредственные впечатления педагогов, работающих в школе в настоящий момент, несравненно ценнее и глубже, чем знакомство с детьми путем чтения их воспоминаний. Однако обследование материала показывает, что состав учащихся в различных школах далеко неодинаков; кроме того, сама тема – «Мои воспоминания», с изложением в этих воспоминаниях часто самого значительного, что произошло с учащимся, и самого важного и дорогого, о чем он думает и мечтает для себя и о себе в будущем, – исключительно по содержанию концентрирована, а потому и показательна, и многозначительна.

Наконец, мы думаем, что и каждому русскому человеку надо знать, что ныне представляет собой «выпускаемое» в жизнь на чужбине новое поколение, что оно пережило, передумало и перестрадало.

Таково, по нашему мнению, многообразное значение обследованного материала.

Во всех учебных заведениях, для того чтобы не стеснять детей, им не было дано при начале работы никаких инструкций. Все сочинения без подписи авторов. Внешние сведения, которые они давали о себе в воспоминаниях, крайне разнообразны и, главное, не однотипны. В них нет ответа на ряд вопросов. Однако в них все же заключается материал, который можно

⁷ «Человеческие документы» – Русск. Шк. за руб. № 10–11. С. 63–87 и отд. «Воспоминания детей-беженцев из России». Обработано и составлено прив. – доц. С. И. Карцевским. – Прага, 1924. С. 28.

⁸ В отношении сочинений этих двух школ автор этого очерка лишь воздержался от приведения цитат из «воспоминаний», чтобы предоставить слово и другим и ввиду того, что наиболее яркие места из них были уже напечатаны.

назвать материалом анкетного типа. К этому материалу, извлеченному из сочинений путем записи таких данных на особую карточку для каждого сочинения, мы теперь и обращаемся. Он интересен как для суждения о работах детей, так и самостоятельно.

2403 детские работы принадлежат учащимся 15 русских эмигрантских школ: двух из Турции, одной из Болгарии, десяти из Югославии и двух из Чехословакии. Из них 9 смешанных, 4 мужские и 2 женские ⁹. Авторы сочинений: мальчиков 1603, девочек 781 и 19 детей, пол которых остался невыясненным ¹⁰. По учебным заведениям они распределяются: в смешанных учебных заведениях мальчиков 577, девочек 366, неизвестных 19. Остальные приходятся на мужские и женские учебные заведения. По классам все учащиеся распределяются так (в разных учебных заведениях, надо сказать, имеется неодинаковое количество классов):

Мл. приг. классе	27	4-м классе	315
Ст. приг.	74	5-м	328
1-м	263	6-м	271
2-м	255	7-м	327
3-м	316	8-м	214
Репетиторском классе	13		

То же распределение в смешанных учебных заведениях:

Мл. приг. классе	27	4-м классе	132
Ст. приг.	74	5-м	90
1-м	93	6-м	112
2-м	113	7-м	118

То же в мужских учебных заведениях:

⁹ Из них 2 содержатся на средства Чехословацкой Республики и находятся в ведении ее Министерств: иностранных дел и народного просвещения, 6, содержась на средства Земско-городского комитета в Париже и правительств Югославии и Болгарии, находятся в ведении Всер. союза городов, 5 содержатся на средства Королевства СХС и находятся в ведении Шк. рус. сов. держ. комиссии и 2, являясь английскими школами для русских детей с преподаванием на русском языке и с русским педагогическим персоналом, обязаны своим существованием благородной энергии известного друга русской молодежи мистера Чорчворда, обеими ими и заведующего.

¹⁰ Исключительно младших классов, рассказ которых ведется все время во множественном числе («мы» – семья).

Мл. приг. классе	–	4-м классе	113
Ст. приг.	5	5-м	134
1-м	21	6-м	171
2-м	40	7-м	195
3-м	80	8-м	119

То же в женских учебных заведениях:

Мл. приг. классе	–	4-м классе	51
Ст. приг.	–	5-м	57
1-м	76	6-м	49
2-м	46	7-м	61
3-м	41	8-м	34

Вот и другие цифры, менее полные, но представляющие больший интерес. В 701 сочинении совсем не упоминается о семейном положении авторов; относительно 360 сочинений – не ясно, каково в настоящий момент семейное положение ребенка: сирота ли он или одинокий. 1012 говорят о родителях, обоих или одном, как о живущих с детьми или хотя и в других странах, но как о несомненно ныне здравствующих.

Все последующие цифры должны рассматриваться как цифры не фактов, а лишь упоминаний об этих фактах, т. к. много сочинений не упоминают о тех или иных событиях совсем, и из содержания сочинений нельзя заключить, почему в них нет ответа на тот или иной вопрос: потому ли, что факт не имел места, или по простому пропуску, Единственная цифра, по-видимому, несколько более приближающаяся к действительности, – это цифра нахождения в армии, т. к. сочинения описывают такой период, а факт поступления в армию для детей так значителен, что совсем о нем не упомянуть трудно. Но и здесь приходится сделать очень большую оговорку. Как раз мальчики старших классов дают самый большой процент рассуждений без единого факта. Очень многие сочинения заключают в себе массу косвенных данных об участии, но прямого ответа все же не дают. С этими оговорками эти цифры таковы: 889 учились в России, 151 – в других русских школах в эмиграции (до поступления в данное русское учебное заведение), 32 ребенка учились в школах с иностранным языком преподавания. Ввиду того что во многих сочинениях не указан возраст детей, без чего эти цифры не представляют интереса, так как очень многие дети покинули Россию в дошкольном возрасте. Вот те же цифры, но по классам.

Училось в России, находящихся в настоящий момент в:

Мл. приг. классе	–	4-м классе	113
Ст. приг.	5	5-м	134
1-м	21	6-м	171
2-м	40	7-м	195
3-м	80	8-м	119
Репетиторском классе	11		

Училось в эмиграции, находящихся в настоящий момент в:

Мл. приг. классе	–	4-м классе	19
Ст. приг.	5	5-м	15
1-м	42	6-м	14
2-м	19	7-м	11
3-м	23	8-м	3

303 сочинения упоминают о перенесенных детьми болезнях, не считая 31 упоминания о ранениях (одном или многократных), 330 – о смерти отца, 137 – матери, 54 – обоих родителей (одного ребенка). Из них 97 упоминают об убийстве отца на войне, 47 – о расстреле отца, 18 – матери, 6 – обоих родителей (одного ребенка). Очень важную цифру – числа одиноких детей, то есть тех, родители которых находятся в России, – привести невозможно. Во всяком случае она – представляя совершенно своеобразное и типичное для современного ребенка-эмигранта явление – весьма значительна; особенно много одиноких в кадетских корпусах и институтах, то есть тех учебных заведениях, которые сложились еще в России и эвакуировались как учебные заведения. Многие родители, оставаясь в России и не зная, что ждет их в будущем, с трепетом, но и надеждой доверяли своих детей учебным заведениям, спасая детей от голода, лишения, а иногда и одиночества, в ожидании возможного сиротства детей – то есть своей смерти. Нечего и говорить, что одного этого момента достаточно, чтобы уяснить себе, какую задачу возложила судьба на плечи учителя-эмигранта. Наконец, пожалуй, самой интересной и, как уже говорилось, относительно более приближающейся к действительности цифрой является самая «современная» из них – цифра числа детей, упоминающих о нахождении в рядах армии. Общая цифра участников – 247, то есть по отношению ко всем учащимся – около 10 %, по отношению к мальчикам всех классов – 15 %. По отношению к мальчикам начиная с 4-го класса – 23 %, и если, наконец, взять только 5-й, 6-й, 7-й и 8-й классы, то мы получим 27 %.

Четвертый класс избран в этом отношении как исходный по следующим соображениям. Большинство детей выехало с родителями или с учебными заведениями в 1920 г. В большинстве учебных заведений анкета была произведена в 1924 г. Таким образом, промежуток между переживаниями детей и описанием этих переживаний равняется четырем годам. Этот срок надо все время иметь в виду при дальнейшем ознакомлении с излагаемым мной материалом. Пишут юноши, но воспоминания касаются детей. Воспоминания относятся к 1917–1920 гг.

Если принять возраст учащихся в 4-м классе 15–16 лет (несколько преувеличенно), то для вспоминаемого детьми периода он будет: для 15 лет – 8–11 лет, для 16—9–12 лет. И действительно, дети с 11–12 лет уже принимали участие в вооруженной борьбе, почему и пришлось взять 4-й класс как исходный. Вот несколько свидетельств самих авторов (несколько из сотен). Обычно возраст цитируемых авторов приходилось устанавливать косвенно ¹¹.

«Мобилизации никакой не было, но все кадеты, гимназисты шли добровольно в армию» ¹².

«Я рвался на фронт отомстить за поруганную Россию. Два раза убежал, но меня ловили и привозили обратно. Как я был рад и счастлив, когда мать благословила меня».

«Мне было 12 лет. Я плакал, умолял, рвался всей душой, прося брата взять меня с собой, и когда мои просьбы не были уважены, решил сам бежать на фронт защищать Россию, Дон».

«Я, одиннадцатилетний мальчик, долго ходил из части в часть, стараясь записаться в полк».

«Мне было 11 лет, я был записан в конвой, одет в форму, с маленьким карабином за плечами... Встретил старого генерала, хотел, как всегда, стать во фронт, но поскользнулся и упал, ударившись спиной о затвор».

«Я кадет 2-го класса поступил в отряд, но, увы, меня назначают в конвой Главнокомандующего».

«В скором времени мне удалось уйти из дома и поступить в один из полков... Но после трех месяцев боевой жизни меня отыскали родители и заставили поехать в корпус».

«Видя родину в море крови, я не мог продолжать свое прямое дело – учение, и с винтовкой в руках пошел я с отрядом белых биться за честь и за благо России».

Вот свидетельство сестер, возраст братьев неизвестен.

«Коля тогда был еще совсем мальчик, но и то пошел сражаться за родину, и мама ему позволила».

«Папа и мама просили его остаться, так как он был еще мальчиком. Но ничто не могло остановить его. О, как я завидовала ему... Настал день отъезда. Брат радостный, веселый, как никогда, что он идет защищать свою родину, прощался с нами. Никогда не забуду это ясное, правдивое лицо, такое мужественное и красивое... Я видела его в последний раз».

Надо, однако, считать приводимую мной цифру участия детей в рядах белых армий недостаточной, т. к., во-первых, все же возможны неупоминания (есть сочинения, представляющие чистые рассуждения), во-вторых, для настоящей работы важно не участие в рядах армии, а участие в активной борьбе, хотя бы и в течение короткого периода или в виде единичного эпизода, но неупоминания об этом могут встречаться чаще. Формы этой внеармейской борьбы разнообразны. Это и борьба целых станиц, рассказы о которой многочисленны, и партизанские отряды, и индивидуальные действия, и даже белые ученические организации. Вот свидетельства самих авторов.

¹¹ Указания на годы в самом тексте очень редки; там, где они попадаются, они свидетельствуют, что юноша настолько вырос и вышел из детства, что смотрит уже на свое детство со стороны, жалеет себя в прошлом и указанием возраста хочет подчеркнуть ненормальность явления.

¹² Во всех дальнейших цитатах в скобки заключены пояснительные заметки автора этой работы. Точками в середине текста обозначены пропуски в тексте подлинников. Кроме выправления орфографии, никаких других изменений в текст воспоминаний не внесено.

«Образовались партизанские отряды, в которые пошла исключительно молодежь».

Мальчик-казак, оставшись при большевиках в станице, сообщает о своем «занятии»:

«Я утаскивал целые ящики (с патронами) и спускал под яр в балку».

«В *** собрался кружок молодежи, работавшей против большевиков. Приходилось осторожно пробираться по городу и расклеивать прокламации против большевиков, подкупать красноармейцев у чрезвычайек и доставлять возможность бегства офицерам».

Таким образом, вышеуказанная мной цифра нахождения в армии должна быть значительно увеличена.

Вот весь тот цифровой материал, который удалось извлечь из детских сочинений.

Но прежде чем переходить к дальнейшему изложению, необходимо остановиться на одном вопросе: каково было отношение детей к заданной им работе, насколько добросовестно они к ней отнеслись и, наконец, насколько для них самих выполнение ее явилось удовлетворением какой-то внутренней потребности? На все эти вопросы мы должны со всей определенностью ответить утвердительно. В значительной своей части воспоминания детей обратились в исповеди. Дети не щадят в них ни родителей, ни начальников, ни больше всего самих себя. Часто это покаяния, в которых они бестрепетно, хотя и с болью, и с горечью, обнажают тяжкие душевные раны. Авторы стремятся быть объективными и, где для этого есть возможность (очень редко), охотно примирительно отмечают все случаи, где есть основание отозваться хоть сколько-нибудь положительно о тех, кто их преследует или хотя бы выполняет это преследование. Вот примеры.

«Конечно, были и среди них хорошие, которые останавливали их, но таких было очень мало».

«Эти большевики (занявшие квартиру родителей девочки) были очень вежливые: вечером, когда они приходили, то они снимали сапоги и говорили тихо, чтобы нам не мешать».

«Ушли, ничего не взяв, хоть и видели у мамы кольца, а у папы серебряный портсигар».

«Большевики спрашивали меня: “Где твой папа?” Но я говорила, что я не знаю, где мой папа, тогда они поставили меня к стенке и хотели убить меня. Тогда пришел еще один большевик и сказал: “Зачем вам мучить девочку, может, она и не знает ничего?”».

«Настал вечер, но никто к нам не приходил и не приносил есть (два мальчика, братья, заключены в тюрьму за попытку уехать к отцу за границу); солдат (красноармеец) принес ужин: по селедке и по полхлеба. Мы просили его нам продать хлеба, он нам дал свою порцию и попросил у товарища пол его порции и отдал нам, мы ему давали денег, но он не взял их. Он рассказал, что не по своей воле служит, а что его заставили».

«Их повезли в крепость Кронштадт... Но жена дяди спасла его... дала взятку и хлеб матросам, и они отпустили дядю, переодели его и спасли».

Вот почти все, что мне удалось найти во всех сочинениях.

Два раза встречаются упоминания о помощи красным солдатам и советскому правительству (первый раз участниками белой армии). Дети не скрывают и не уклоняются от рассказов – это видно по ходу сочинения – от описания случаев освобождения родителей из тюрем, иногда с предположительным объяснением – «сжалились»; передают они и о семейных драмах.

«Меня взяли от отчима и матери, и тяжело мне было жить с отцом, и сильно притесняла мачеха».

Девочку взяли к себе родные.

«Хоть нехорошо, но все-таки я помню, как сладко мне было жить у моих других родителей».

Этим исключительно серьезным и ответственным подходом к заданной теме объясняется и то, что есть среди них и откровенно протестующие против темы, есть делающие то же под каким-нибудь предлогом, есть и прямо отказывающиеся писать, ссылаясь на забывание, несмотря на нахождение в старшем классе.

«Воспоминания эти настолько неприятные, что писать о них нет никакой охоты. К тому же, для того чтобы даже вкратце описать все пережитое за три года, понадобится много времени, поэтому скажу только, что пережитое мною за три года революции вполне было достаточно, чтобы стать ее противником»¹³.

«Какие могут быть воспоминания у ребенка»¹⁴.

«Я был маленький и ничего не помню»¹⁵.

Если бы эти дети несерьезно подходили к работе, то проще бы было кратко перечислить общеизвестные события, что некоторые хотя и редко, но делают. Есть и такие, которые с чрезвычайной добросовестностью, опустив какой-нибудь часто и не очень значительный факт, в сносках или постскриптумах его восстанавливают. Такой характер сочинений – характер то тщательного и добросовестного свидетельского показания, то честной, горячей и горестной исповеди; их открытая доверчивость – по справедливости дающая право на чувство законной гордости руководителям школ, которым они безбоязненно отдали свои исписанные признаниями листы, – вместе с тем налагает серьезную и тяжелую ответственность на тех, кто выносит сочинения детей за пределы родной им школы, – на всех их использующих до читателей изложения этих сочинений включительно.

Сотни страниц с выписками подлинных выражений авторов, с изображением их грустных дум, с их страшными и горестными рассказами, просят – более того, настоятельно требуют быть поведенными всем, напечатанными целиком. Но это невозможно. Приходится с трудом выбирать, не потому, чтобы было мало, а потому, что слишком много и привести лишь самую незначительную часть. И только эта невозможность на все темы, поставленные в этой работе, ответить собственными словами авторов, заставляет дать ряд суммарных, кратких, отдельных, общих характеристик своими, а не «ихними» словами. Между тем это было бы осуществимо, так как нет темы, которой бы дети не затронули, которую нельзя было бы передать их собственным образным и правдивым языком.

Некоторые сочинения достигают 20 мелко исписанных и связно изложенных страниц размера ученической тетради, и это за два часа и без предварительного предупреждения! Уже одно это сопоставление количества страниц со временем, в которое они написаны, показывает, как наболело у многих на душе и как много хотелось им передать, объяснить, поделиться горем, пожаловаться и, может быть, услышать в ответ слово сочувствия, утешения, поддержки, ободрения и помощи... И это, в свою очередь, накладывает на того, кто все это слышал и услышал, кто неотразимо чувствует, что к нему в руки попал драгоценный материал, какую-то глубоко ощущаемую обязанность, как бы молчаливо переданное поручение: все и всем рас-

¹³ Это все сочинение.

¹⁴ Пишет юноша.

¹⁵ Пишет мальчик 14 лет.

сказать, не забыть, не похоронить под спудом молчания даже мелочи, ничего не скрыть, не упустить. Поручение трудное, почти невыполнимое.

Во второй части этого очерка, как уже говорилось выше, будет дана попытка путем цитирования отдельных сочинений на наиболее ярких индивидуальных примерах показать типические черты внутренних переживаний современных детей, попытка раскрыть их внутренний душевный мир. Но такая характеристика была бы и не полна и не ясна, если бы все время, опираясь только на «воспоминания» детей и ни в какой мере на сведения, почерпнутые из других источников, автор этих строк не дал бы общей внешней, так сказать, биографической характеристики детей и такого же внешнего обзора содержания их сочинений и их литературной формы и вида.

Кто такие авторы воспоминаний и в чем те черты несходства в их судьбе и духовном облике с их сверстниками – прежними русскими детьми, в прежней России – и современными детьми, но не в России, а в других странах?

Но прежде чем к этому обратиться, несколько слов об одном, хотя и внешнем, но, однако, существенном моменте. Каково социальное положение родителей большинства детей, сочинения которых рассматривались? Хотя для школы происхождение детей не может служить причиной различного к ним отношения, но оно все же важно для полного представления о ребенке, с которым педагог имеет дело, и потому желание дать полный обзор требует ответа и на этот вопрос.

В огромном большинстве родители детей принадлежат к средней городской интеллигенции. Родом почти со всей России, они в главной массе выехали за границу во время ряда эвакуаций, завершивших длинный путь их скитаний: из Одессы, Новороссийска, Крыма в 1920 г. (главная масса), Архангельска и Владивостока. Множество детей выехало с учебными заведениями без родителей. Меньшинство приехало из России уже после окончания гражданской войны, пережив голод 1921 г.

«Там начали есть человеческое мясо и часто бывали случаи, что на улицах устраивали капканы... ловили людей... делали из них кушанья и продавали на базарах».

Обычно с матерями они уезжают за границу по вызову отцов. Это особая группа. На их долю выпало больше испытаний, голод наложил на них особую печать, встреча с родителями описывается в трогательных выражениях:

«Наконец мы приехали в Сербию, и моей радости не было конца».

«Мама нас встретила, и я ее сразу узнала; я папу не видала 5 лет, а маму 3 года».

«В Сербии папа встретил нас у своего дома... мы все от радости плакали».

«Когда папа пришел к нам, то мой младший брат совсем не узнал его, а прогуливаясь по фабрике, Эля заявил: “Это ваша фабрика?”».

«Папа уехал, а с ним и мама, обещали приехать... но Бог... иначе судил... на одной стороне стали большевики, а на другой белые. Мы остались... с няней... скончалась... остались без призора... нас поместили в коммунистический приют... голод, холод, беспризорность. От родителей известий не имели, и была только надежда на будущность... Получили известие, что они живы. Нам прислали денег».

И вот два мальчика 12 и 13 лет самостоятельно приезжают в Белград:

«Они нас поехали встречать в Белград, и там мы разъехались; а мы так устали, что я заснул, но вдруг вошли папа и мама и меня разбудили; и от такой необычайной радости я – заплакал».

Другая значительная группа – это дети казаков, главным образом донцов. Выделение их в особую группу, как отличную от городской интеллигенции, помимо других специфических, им присущих черт, вызывается еще и тем, что это по большей части сельские жители, земледельцы, часто бедные, сами работавшие с семьей на земле. Вот одно из свидетельств:

«Родился я на тихом Дону в очень бедной семье. Отец простой казак, образование получил маленькое, кончил приходскую школу, нас было у него шесть человек, чтобы добиться образования, я своими маленькими ручонками подбирал скошенную рожь».

Наконец, не очень большая группа – дети помещиков. Вероятно, не больше как в 10–20 сочинениях есть указания на прочную, постоянную и бытовую связь родителей авторов с землей и деревней. В большинстве сочинений этой незначительной группы есть лишь краткое сообщение факта.

Во всех этих группах есть и нечто общее. Читая детские воспоминания, можно подумать, что из России выехали только военные или что только они в эмиграции отдают своих детей в школы, так как многие сочинения заключают в себе фразу: «Мой папа был офицер». Однако если вспомнить, что описание относится к 1917 г., когда среди интеллигенции известного возраста не офицеров было очень мало, то указание это приобретает другой и особый смысл. В некоторых сочинениях это раскрывается и самими детьми. «А папа мой был студентом и офицер, и капитан», – пишет одна девочка, сообщая о себе то, что могли бы сказать и многие другие.

Мальчики и девочки ¹⁶. Если в младших классах смешанных школ ищешь первое лицо прошедшего времени, чтобы определить пол автора, и иногда безуспешно, то в старших классах, в соответствии с общей тенденцией положения современного ребенка-эмигранта, и здесь находишь следы трагической преждевременности – в возложении судьбой на плечи детей непосильной для них ноши. Среди мальчиков мы находим массу преждевременных воинов, а среди девочек, помогающих матерям при возвращении домой, – хозяйек, заменяющих их на время арестов, болезни и т. д., опекающих младших братьев и сестер, радостно, как и их братья-воины, принимающих на себя обязанности старших, – девочек не веселых и беззаботных, а сосредоточенных и грустных.

«Когда я приезжаю домой, я стираю белье, мою пол, убираю комнату, помогаю маме в шитье, и все это делаю с большим удовольствием».

«Когда я приходила из гимназии в 4 часа, я убирала дом, готовила обед... Мы ужинали, я убирала со стола, мыла посуду и садилась делать уроки... Дома я была до возвращения (со службы) папы и мамы полной хозяйкой».

«Моя мать и сестра служили у большевиков. Мне тогда пришлось бросить гимназию, чтобы готовить обед, убирать в доме, стирать и смотреть за маленьким братом. Все это тяжело было для меня, двенадцатилетней девочки».

«Бедная мама должна была поступить на службу... прибежишь из гимназии, схватишь соленый огурец без хлеба, съешь и начинаешь дрожать на сундуке, укутавшись в шубу. Согреешься... бежать за мамой... такое малокровие, что она не могла ходить...»

¹⁶ В дальнейшем мы все время будем их так именовать, не прибавляя «юноши и девушки», и не только для краткости, но и потому, что юноши и девушки описывают свои переживания за тот период, когда они были мальчиками и девочками.

«Приходилось ходить в лес в 14 верстах от города. Слабая, изнуренная тащишься туда, наберешь немного дров, выйдешь из лесу, встретит какой-нибудь комиссар и все это отберет».

«Мамочка не выдержала тифа и скончалась. Папа не мог остаться и уехал на фронт... Старший брат лежал в госпитале... Мы остались одни. Я была самая старшая – мне было 8 лет, и у меня на руках была сестра 5 лет и брат 7 месяцев... На Принцевых островах¹⁷ мой младший брат, оставшийся после мамочки грудным ребенком, не мог перенести этого – он заболел и умер».

«В дом ворвалась... шайка “зеленых” и убила маму и папу, это был такой страшный удар для меня тогда, тринадцатилетней девочки, что я несколько дней ходила как помешанная... Я осталась одна на всем большом чуждом свете и с маленькой пятилетней сестрой на руках, и никого, никого из близких и родных не было у нас... После сыпного тифа старалась найти себе хоть какое-нибудь дело. Приходилось слабой девочке не по силам работать. Приходилось носить воду, рубить дрова, готовить обед, смотреть за двумя маленькими детьми, но нравственно я была удовлетворена».

Следует еще сказать, что мальчики и девочки отличаются в своих сочинениях еще в двух отношениях. Первые дают более богатый фактический материал, их описания точнее и ярче, затем они гораздо больше рассуждают, а иногда и резонерствуют, вторые зато эмоциональнее и потому более раскрывают свой внутренний мир. В их сочинениях семье и родителям посвящено несравненно больше места, чем у мальчиков, которые, особенно в старших классах, иногда совершенно о них не упоминают. Кроме того, пробыв те годы, когда их братья были на фронте, дома или в учебном заведении, они грамотнее пишут и глубже вошли в школу. Резюмируя, можно сказать, что нормальная обычная дифференциация полов в период, совпадающий с прохождением через средние классы средней школы, благодаря указанным выше причинам сказывается теперь резче. Резкая разница детей младшего и старшего возраста, рассмотренная в отношении их пола, особенно сказывается в отношении к ним школы и их к ней – места, которое школа в их жизни занимает, и ее роли для них.

Дети, находящиеся в современной эмигрантской школе, в зависимости от возраста, могут быть поделены на две группы, которые можно обозначить как учащихся и доучивающихся. 10–14-летние дети, несмотря на страшные, но для многих уже, слава Богу, туманные, выцветшие и потускневшие именно «воспоминания», – уже нормальные учащиеся. Конечно, надо отбросить при этом то, что нарушает их приближение к типу нормального ребенка, а именно не только личное прошлое, но и теперешнее положение многих из их родителей, о котором они пишут. Выбитые из колеи, все еще не устроенные, живущие без перспектив, сегодняшним днем (день да ночь – сутки прочь), в непривычной обстановке, бедные, а еще более непривыкшие к бедности, не выработавшие по отношению к ней иммунитета, – они заботят своих детей, и отклики последних на это многочисленны: «папа не устроился», «мама не работает» или «теперь, слава Богу, папа зарабатывает», «нам было трудно» и т. д. Колебания в одном сочинении между «нам жилось хорошо» и «нам жилось плохо» не редки. И все же это настоящие учащиеся. Это заметно сказывается на их несравнимой со старшими классами относительной грамотности, литературности и психической уравновешенности. *Можно сказать, что школа ввела их в нормальные берега*

¹⁷ Группа из девяти островов в Мраморном море. Лагеря гражданских беженцев на Принцевых островах и, в частности, на острове Проти относились к системе лагерей Константинополя. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.